

Л.М. Прокументов

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)
ИЛИ УЧАСТИЯ В НЕМ (НЕЙ)**

Рассматривается уголовно-правовая характеристика составов преступлений, закрепленных в ст. 210 УК РФ. Особое внимание уделяется характеристике субъекта преступления. Анализируется Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 2 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

Ключевые слова: *преступление, субъект преступления, организатор, руководитель, лидер, преступное сообщество.*

За период действия Уголовного кодекса РФ в него было внесено более семисот изменений и дополнений. Отношение к внесенным изменениям и дополнениям – неоднозначное. Одни из них (изменений) не вызывают нареканий, поскольку их появление в УК РФ способствует повышению эффективности в достижении целей, стоящих перед Уголовным правом. Другие изменения обусловили появление примеров несоответствия правовых норм элементарному здравому смыслу. Примером последнего является указание ст. 54 УК РФ о неназначении ареста лицам, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, которое законодатель все «забывает» исключить из Уголовного кодекса, поскольку уже с момента принятия Федерального закона от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ арест исключен из видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним.

Есть изменения, которые с большим трудом воспринимаются или вообще не воспринимаются практикой: в УК РФ есть конкретная статья, но практика нивелирует ее и развивается своим путем. Именно так происходит в последние годы со ст. 210 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) в редакции Федерального закона от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ.

Статья 210 УК РФ, предусматривает уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем (ней). Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, оказывающиеся в сфере обеспечения общественной безопасности. Путем причинения вреда этим отношениям происходит посягательство на другие объекты (жизнь и здоровье граждан, собственности и т.п.).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» отмечает, что организованная преступность в ее различных проявлениях посягает на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушает нормальное функционирование государ-

ственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений (п. 1 постановления).

Угроза общественной безопасности, возникающая при создании и функционировании преступного сообщества (преступной организации), обуславливается тем, что:

1) сообщество (организация) – это институт, неподконтрольный обществу и обладающий механизмами защиты от общественного контроля;

2) свои институциональные возможности сообщество (организация) использует не в соответствии с интересами общества, а вопреки им;

3) сообщество (организация) обладает возможностями осуществлять преступную деятельность на долговременной основе и в крупных масштабах.

В ч. 3 ст. 210 УК РФ в качестве дополнительного объекта выступают общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной и муниципальной службы, а также службы в коммерческих и иных организациях.

Особенностью объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, является то, что предусмотренные деяния могут совершаться общим и специальным субъектами. И это при том, что конструкция диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ грамматически допускает возможность толкования, в соответствии с которым все указанные в ней общественно опасные деяния должны быть совершены только лицом с использованием своего влияния на участников организованных групп. Однако анализ уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за организацию различных преступных объединений, позволяет сделать другой вывод. Так, с учетом положений ч. 4 ст. 35 УК РФ преступное сообщество (преступная организация) может представлять собой как одну структурированную организованную группу, так и объединение организованных групп. Использование законодателем множественного числа при ссылке на организованные группы, на участников которых оказывается влияние, позволяет считать, что специальный субъект необходим именно для координации преступных действий, создания устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организо-

ванными группами, разработки планов и создания условий для совершения преступлений такими группами, или раздела сфер преступного влияния и деления преступных доходов между ними.

В соответствии с действующей редакцией ч. 1 ст. 210 УК РФ деяния могут быть совершены общим и специальным субъектом.

Общим субъектом могут быть выполнены следующие деяния:

4) создание преступного сообщества (преступной организации);

5) руководство преступным сообществом (организацией);

6) руководство входящими в преступное сообщество (преступную организацию) структурными подразделениями;

7) участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Специальным субъектом, в качестве которого выступает лицо, имеющее влияние на участников организованных групп, могут совершаться следующие деяния:

8) координация действий между различными самостоятельно действующими организованными группами;

9) создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами;

10) разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами;

11) раздел сфер преступного влияния и деление преступных доходов между ними.

Очевидно, что трудности, с которыми имеют дело правоприменители, главным образом, обусловлены разграничением этих, по сути, оценочных признаков. Получается, что, избавившись от одного оценочного признака – «сплоченность» (который, в конечном итоге, все-таки был конкретизирован на уровне акта судебного толкования), законодатель ввел новые признаки, формализовать которые в принципе невозможно.

Прежде всего отметим, что в уголовно-правовой науке, в криминологических исследованиях и на практике вызывают сложности определения лиц, которых можно считать лидерами преступных групп. Это обусловлено тем, что многие исследователи, а вслед за ними и практические работники отождествляют понятия «организатор», «руководитель», «лидер» [1]. Такое отождествление рассматриваемых понятий не ориентирует практических работников на изучение действительной, реальной структуры преступных групп, внутригрупповых связей, место каждого участника группы в иерархии этих связей. Одним из аргументов, подтверждающих высказанное выше предположение, является тот факт, что несмотря на определенные «успехи» в предупреждении групповой преступности в конкретных регионах, которые выражались в выявлении самих групп,

определения их структуры и роли участников в совместной преступной деятельности, изоляцию «лидеров» преступных групп, последние не только не распадались, но продолжали совершать преступления.

Представляется, что только в рамках уголовно-правовой или криминологической наук правильно подойти к решению вопроса о лидерстве в преступных группах не представляется возможным, поскольку это понятие не является предметом изучения данных наук. В этой связи необходимо обратиться к исследованиям специалистов в области социальной психологии. Такой подход к изучению отдельных понятий, имеющих важное значение для познания преступности, не является новым для криминологии и уголовного права [2], однако мы не можем утверждать, что данный подход нашел широкое применение в криминологических исследованиях, относящихся к анализу групповой преступности.

Термин «лидер» заимствован уголовно-правовой и криминологической науками из социальной психологии, где существует множество определений данного понятия, что само по себе указывает на имеющуюся сложность в его определении. Очевидно, что есть смысл привести некоторые из имеющихся определений понятия «лидер».

По мнению Н.С. Жеребовой, лидер – это участник группы, «который выдвигается в результате взаимодействия ее членов и организует вокруг себя группу при соответствии его норм и ценностных ориентаций с групповыми и способствует организации и управлению этой группой при достижении групповых целей» [3, с. 60].

По мнению А.В. Петровского, лидер группы – это индивид, обладающий «наибольшим статусом (закрепленными за ним правами и обязанностями) и престижем (отражение меры его заслуг и вклада в общее дело)» [4, с. 198–199].

В социально-психологических исследованиях приводятся и иные определения понятия «лидер», однако мы, не останавливаясь на них, отметим, что в них также констатируется жизнеспособность анализируемого понятия с такими категориями, как: «выдвижение», «избрание», «организация совместной деятельности членов группы», «соответствие норм и ценностей лидера группы нормам и ценностям групп». В исследованиях подчеркивается, что с позиции социальной психологии *лидерство связано с регулированием внутригрупповых межличностных отношений*, носящих неофициальный характер, т.е. лидерство представляет собой *главным образом феномен микросреды*. По мнению большинства исследователей, лидерство возникает и функционирует, как правило, стихийно. Поэтому исследователи отмечают, что *лидерство есть чисто психологическая характеристика определенных членов группы и содержательно отличается от руководства, являющегося преимущественно социальной характеристикой отношений в группе и выполняющего функции*

распределения ролей управления и подчинения [5, с. 276]. Аналогичное разграничение понятий «лидерство» и «руководство» содержится в исследованиях других авторов [6].

Отметим, что практически все исследователи указывают на известную относительность различий феноменов лидерства и руководства, констатируя наличие диалектической взаимосвязи и взаимопроникновения этих феноменов. Так, руководитель может одновременно выступать в роли лидера; в свою очередь, лидерство при определенных обстоятельствах способно перерасти в руководство. Исследователи отмечают, что значительная общность задач, решаемых руководителем и лидером, сближающая содержание реализуемых ими функций, придает их деятельности черты идентичности [7, с. 12]. Однако подчеркнем, что *принципиально различной остается природа рассматриваемых феноменов*.

Таким образом, можно говорить о том, что лидер – понятие социально-психологическое. Данное понятие обозначает лицо, имеющее наиболее высокий статус в группе (самый выбираемый), а поэтому отождествление лидера с выполняемыми лицом функциями в группе не совсем корректно. Конкретный член группы может быть организатором, руководителем, но не быть лидером в собственном смысле слова, и наоборот.

В этой связи считаем, что отождествление понятий «руководитель», «организатор», «лидер» в научной литературе, в практической деятельности субъектов предупреждения групповой преступности является неправильным и не способствует глубокому изучению внутренней структуры группы, сложившихся между членами группы связей. Подмена этих понятий на практике приводит к тому, что сохранение лидеров в преступных группах позволяет последним не только не прекращать свою преступную деятельность, но, нередко, активизировать ее и, что самое опасное, осуществлять экспансию на общественно значимые интересы, расширяя тем самым криминогенное пространство.

Кроме того, трудно объяснить решение законодателя установить ответственность (лидеров) или иных представителей организованных групп в ч. 1 (а не в ч. 2) ст. 210 УК РФ с одновременным ужесточением наказания.

Все общественно опасные деяния, перечисленные в ч. 1 ст. 210 УК РФ, могут быть выполнены субъектами, предусмотренными в ч. 3 и ч. 4 ст. 210 УК РФ, а именно лицом с использованием своего служебного положения, и лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Общим субъектом, который может выполнять действия по созданию и руководству преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также по участию в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп, следует признавать физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

В качестве *специального субъекта* законодатель выделил «лицо, использующее свое влияние на участников организованных групп».

Лицо, использующее влияние на участников организованных групп, подлежит уголовной ответственности за координацию преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельными действующими организованными группами, разработку планов и создание условий для совершения преступлений такими группами или раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, выражается в наличии прямого умысла и специальной цели.

Объективную сторону ч. 2 ст. 210 УК РФ составляет участие в преступном сообществе (преступной организации). Подробное описание действий, составляющих участие в преступном сообществе (преступной организации), содержится в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

Поскольку в действующем уголовном законе отсутствуют четкие критерии, позволяющие разграничивать преступную и не преступную (способствующую, обеспечивающую) деятельность участников преступного сообщества (преступной организации), постольку в целях исключения (недопущения) объективного вменения необходимо учитывать положения п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12, в соответствии с которым требуется устанавливать наличие у участников преступного сообщества (преступной организации) единого умысла на совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также осознание ими общих целей жизнедеятельности преступного сообщества и своей принадлежности к нему.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 210 УК РФ, признаются физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие совместно с членами преступного сообщества (преступной организацией) конкретные преступления, подлежат уголовной ответственности лишь за те преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена законом с 14-летнего возраста (ст. 20 УК РФ).

В ч. 3 ст. 210 УК РФ установлена ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 ст. 210 УК РФ, совершенные специальным субъектом – лицом с использованием своего служебного положения.

Специальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 210 УК РФ, признаются должностные лица, государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, не относящиеся к числу должностных лиц, а также лица, по-

стоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации независимо от формы собственности или в некоммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным учреждением (п. 22 постановления Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г.).

В качестве таких субъектов могут выступать сотрудники полиции, Госнаркоконтроля, представители контролирующих органов, работники администраций органов государственной власти или местного самоуправления и т.д.

Под использованием служебного положения в целях совершения деяний, предусмотренных в ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ, следует понимать не только умышленное использование лицом своих служебных полномочий, но и оказание влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой должности, на других лиц в целях совершения ими определенных действий, направленных на создание преступного сообщества (преступной организации) и (или) участия в нем (п. 23 постановления Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. № 12). Это обусловлено тем, что использование лицом своего служебного положения должно рассматриваться в двух аспектах: с точки зрения осуществления служебных полномочий, т.е. реализации юридических возможностей и с точки зрения использования авторитета власти, должности, служебных связей, влияния аппарата управления, совершения заведомо незаконных действий (бездействия) по службе и т.п., т.е. реализации фактических возможностей субъекта преступления. При этом использование личных отношений, если они не связаны с занимаемой должностью, не может рассматриваться как использование служебного положения. Именно так считает Верховный Суд Российской Федерации. Данная позиция судебного органа была выражена в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2006 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе».

Субъективная сторона ч. 3 ст. 210 УК РФ аналогична субъективным сторонам ч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ и дополняется осознанием виновным общественной опасности использования своего служебного положения и желанием его использовать.

Часть 4 ст. 210 УК РФ предусматривает ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Это совершенно новое понятие в отечественном уголовном праве.

В уголовно-правовой науке одни исследователи под таким лицом понимают организатора (руководителя) всего преступного сообщества (преступной организации), а не его структурных подразделений [8, с. 57], другие считают, что данный субъект должен также обладать высоким положением в преступной иерархии в целом и главенствующим – на определенной территории района, города, региона и

т.п. [9, с. 14]. Есть мнение, что положения ч. 4 ст. 210 УК РФ должны распространяться на «воров в законе», неофициально занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также криминальных лидеров организованных преступных объединений, не относящихся к «воровской среде» [1, с. 46]. Отметим, что есть и другие подходы к определению субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Удивляет тот факт, что большинство исследователей, предлагающих свое видение субъекта рассматриваемого преступления, не обращают внимание на то, что Уголовный закон РФ должен в полной мере соответствовать Конституции Российской Федерации, существующей в России системе законодательства, международно-правовым документам, являющимися обязательными для нашей страны. В этой связи возникает вопрос: «Каким правовым документом регламентируется в России положение лиц в преступной иерархии?» Ответ на этот вопрос очевиден, что такого правового документа нет и быть не может.

Возникает очередной вопрос: «Какими критериями должен руководствоваться суд при отнесении того или иного субъекта к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии?»

Пленум Верховного Суда РФ при решении вопроса о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, предлагает устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии путем анализа, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными, самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие об авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). То есть Пленум Верховного Суда РФ предлагает признавать в качестве основания привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ не сам статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, как таковой, а преступные действия конкретного лица, которые могут свидетельствовать об его авторитете и лидерстве. Более того, из смысла п. 24 постановления следует, что для квалификации по ч. 4 ст. 210 УК РФ достаточно, чтобы лицо обладало авторитетом или было лидером в каком-нибудь одном преступном сообществе (преступной организации). Другими словами, в соответствии с анализируемым постановлением, его разработчики поставили знак равенства между лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и лидером преступной группы. Такое отождествление понятий, как и подобные отождествления, о которых мы указывали выше, не способствует эффективности применения данной нормы. Отметим, что четкого ответа на поставленный нами

вопрос в постановлении Пленума Верховного Суда РФ нет и не могло быть, поскольку законодатель, используя в ч. 4 ст. 210 УК РФ термины из социально-психологической науки, «не подумал» об их истинном содержании и возможностях интерпретации на практике. В этой связи установление места конкретного субъекта в преступной иерархии без осуществления специального криминологического, социально-психологического исследования без самих преступников и преступной среды не представляется возможным.

Что необходимо делать в сложившейся ситуации? Во-первых, нельзя забывать историю отечественного уголовного законодательства. В частности, в 1969 году в УК РСФСР была введена ст. 24¹ «Особо опасный рецидивист», содержание которой составлял перечень норм Уголовного кодекса РСФСР, которые в определенной законом совокупности представляли суду возможность признать преступника особо опасным рецидивистом. Важно подчеркнуть, что это «звание» мог присвоить только суд, и только он (суд) имел право лишить этого

«звания». Такое решение вопроса было основано на законе и было абсолютно правильным.

Действующее уголовное законодательство РФ в ст. 18 содержит определение рецидива преступлений (ч. 1 ст. 18 УК РФ), опасного рецидива преступлений (ч. 2 ст. 18 УК РФ), особо опасного рецидива преступлений (ч. 3 ст. 18 УК РФ), но в нем отсутствует понятие особо опасный рецидивист. Учитывая, что это разные понятия, которые тем не менее не мешают, а в большей мере дополняют друг друга, было бы целесообразно их «присутствие» в Уголовном кодексе вместе. Используя позитивный исторический опыт, считаем целесообразным вернуть в Уголовный кодекс РФ понятие «особо опасный рецидивист» (если кому-то не нравится этот термин, можно назвать такое лицо «особо опасный преступник»). Вместе с закреплением понятия необходимо закрепить в законе перечень признаков, наличие которых позволяет суду признать конкретное лицо таковым. И в дальнейшем только этот термин использовать в ст. 210 УК РФ и других статьях Уголовного кодекса РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мондохонов А.Н. Ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней): науч.-практич. комментарий. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. 159 с.
2. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. 236 с.; Миньковский Г.М., Тузов А.П. Профилактика правонарушений несовершеннолетних. Киев, 1987. 215 с.; Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 1981. 232 с.
3. Жеребова Н.С. Лидерство в малых группах как объект социально-психологических исследований // Руководство и лидерство / под ред. Б.Д. Парыгина. Л., 1973. С. 54–68.
4. Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии: избранные труды. М.: Педагогика, 1984. 272 с.
5. Майерс Д. Социальная психология: пер. с англ. СПб., 1997. 688 с.
6. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1980. 320 с.; Волков И.П. О личном авторитете руководителя // Руководство и лидерство / под ред. Б.Д. Парыгина. Л., 1973. С. 73–80; Роджерс К. О групповой психотерапии. М., 1993. 225 с.
7. Обозов Н.Н. Психология малых групп и коллективов // Социальная психология. Л., 1979. С. 6–24.
8. Воронин С.Э., Байыр-оол Е.В. Личность организатора преступного сообщества и ее криминалистическое значение: монография. Красноярск: НОУ ВПО СИБУП, 2014. 168 с.
9. Белоцерковский С. Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 11–14.

CRIMINAL PROBLEMS OF COUNTERACTION TO AN ORGANIZED CRIMINAL COMMUNITY (CRIMINAL ORGANIZATION) OR PARTICIPATION THEREIN

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2016, 1(7), 10–15. DOI 10.17223/23088451/7/2

Prokumentov Lev M., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

Keywords: crime, perpetrator, organizer, manager, leader, criminal community.

The article dwells on criminal characteristics of crimes under Art. 210 of the Russian Federation Criminal Code. The author focuses on the perpetrator of the crime and analyzes Resolution No. 2 of the Plenum of the Supreme Court of June 10, 2010, “On judicial practice in criminal cases concerning organization of a criminal community (criminal organization) or participation therein”.

Art. 18 of the current criminal legislation of the Russian Federation contains the definition of recidivism (Art. 1, Art. 18 of the Russian Federation Criminal Code), dangerous recidivism (Art. 2, Art. 18 of the Russian Federation Criminal Code), especially dangerous recidivism (Art. 3 of Art. 18 of the Russian Federation Criminal Code). However, this resolution lacks the concept of an especially dangerous recidivist. As far as these are different concepts, which, however, complement each other, it would be advisable to add it to the Russian Federation Criminal Code. Basing on the positive historical experience, the author considers it reasonable to return the term “particularly dangerous repeat offender” to the Russian Federation Criminal Code. If someone does not like the term, the term “particularly dangerous criminal” can be used as well. It is also necessary to introduce the list of features for the court to be able to recognize a particular person as such. Only this term should be used in Art. 210 of the Russian Federation Criminal Code and other articles of the Russian Federation Criminal Code.

REFERENCES

1. Mondokhonov, A.N. (2011) *Otvetstvennost' za organizatsiyu prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) ili uchastie v nem (ney): nauchno-prakticheskiy kommentariy* [Responsibility for the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it: the scientific and practical commentary]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
2. Dolgova, A.I. (1981) *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnikh* [Socio-psychological aspects of juvenile delinquency]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Zherebova, N.S. (1973) Liderstvo v mal'kh gruppakh kak ob'ekt sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy [Leadership in small groups as an object of socio-psychological research]. In: Parygin, B.D. (ed.) *Rukovodstvo i liderstvo* [Management and Leadership]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 54-68.
4. Petrovskiy, A.V. (1984) *Voprosy istorii i teorii psikhologii: izbrannye trudy* [History and Theory of Psychology: Selected Works]. Moscow: Pedagogika.
5. Myers, D. (1997) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
6. Andreeva, G.M. (1980) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.
7. Obozov, N.N. (1979) Psikhologiya mal'kh grupp i kollektivov [Psychology of small groups and collectives]. In: Zhuravlev, A.L. (ed.) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Leningrad. pp. 6-24.
8. Voronin, S.E. & Bayyr-ool, E.V. (2014) *Lichnost' organizatora prestupnogo soobshchestva i ee kriminalisticheskoe znachenie* [The personality of the organizer of a criminal association and its forensic significance]. Krasnoyarsk: NOU VPO SIBUP.
9. Belotserkovskiy, S. (2010) Novyy federal'nyy zakon ob usilenii bor'by s prestupnymi soobshchestvami: kommentariy i problemy primeneniya [The new federal law on strengthening the fight against criminal networks: comment and application problems]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 11-14.